

В.В. Колесов
Ленинградский университет

Л а м ъ

В Успенском сборнике XII-XIII вв. встречается слово л а м ъ, которое прежде не указывалось ни в русских исторических, ни в старославянских словарях, ни в словарях церковнославянского языка. Именно эти два примера приведены в новом историческом словаре с толкованием "гроб" (СРЯ XI-XV вв. III, 168).

В Житии Епифания Кипрского (и по всем русским спискам нет разночтений вплоть до XVI в.) находим текст с описанием погребения святого, где о его теле говорится: "прѣбы же .г. дни не погребомо многымъ прѣбниемъ, четвертии же днь медь възклаваше въ ламъ, възложиа тѣло въ нь, мнѣяху бо въ цркви е погreti" (Усп.сб., л.292.г); в слове о Лазаре, описывая оживление Лазаря, автор говорит: "гряди възъ да послушествовати ти начынетъ ожити твоему смрадъ тѣлесе, сами ти раедрѣвати сѣянтя укроа, и познають его же въ хюпци покрыиа, гряди възъ, оживи и дшю възъми, и ходя изъ лама иалѣи" (Усп.сб., л.231 г).

Во втором примере слово л а м ъ соответствует греч. $\eta\lambda\delta\rho\nu\alpha\varsigma$, и это как будто наталкивает на перевод слова как "гроб". Общее содержание отрывков приводит к тому же заключению. Однако достаточно ли греческого эквивалента и общего смысла текста для столь ответственного решения? Не слишком ли общим и неопределенным дано значение слова ламъ, по всей видимости - древнейшего славянского слова (судя по текстовому окружению) и отражающего какие-то элементы славянской культуры?

Заглянем в этимологические словари.

М.Фасмер настаивает на том, что л а м - "хворост" в псковских и тверских говорах (по В.И.Далю) - отражает удлиненную ступень чередования от л о м, ч о м ѣ т ѣ (Фасмер

П, 464). Современные диалектные словари подтверждают наличие этой лексики в архаических севернорусских говорах, и даже значение "сухой хворост" здесь отмечено (СРНГ XV1, 252-253), однако ясно, что значение это вторично и в диалектах действительно соотносится с глаголом *ломати* или *ломити*. Одновременно в русских говорах известно и значение "кряк, корень дерева", причем говоры сохранили и более древнюю форму слова: *ламень*, *ламя* - толстый, неуклюжий человек, ср. и *ламенный* - бессердечный, безалаберный, т.е. опять-таки характеризующийся отсутствием чего-то, лишённый чего-то "внутри". Совкупность всех фактов показывает, что древнейшее славянское слово утратило к началу времени и свои словообразовательные связи с родственными лексемами (*ламень*, *ламя* вместо *тамень*, *-ламеня*, ср. *ламенный*), и свои семантические характеристики.

Ф.Славский, приводя славянские соответствия, отчасти подтверждает русский диалектный материал, отчасти углубляет историческую перспективу: болг. диал. *ламъ* (Геров) значит "дыра, яма, углубление, расселина, луха", польск. *łnoch* - число *łamu* "хворост", но также и "поваленное дерево", в-луз. *łam* "скала", вообще "горная порода": в целом все это подводит к значению "разлом" вообще, независимо от материала его¹. Даже новгородское *ламъ* "пустошь" (СРНГ XV1, 254) как будто соотносится с этим значением, указывая на пустоту, образовавшуюся в результате разлома. Можно, таким образом, предположить, что *ламъ* в древнейших текстах -- не просто "гроб", а "колода", которую вырубали из камня или дерева. К этому заключению ведет рассмотрение современных диалектных материалов.

Однако и такое толкование может оказаться поверхностным, поскольку оно соотносится всего лишь с современными нам фактами. Прежде всего, оно не объясняет нам значение древнего слова *ламъ*, которое лишь отчасти сходно с современными *лам* и *ламя*, опосредованно соотносясь

1 Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1970-1974, t.4, s.448.

с глагольной основой. Каковы основания для скептического отношения к только что предложенной этимологии?

Во-первых, это соотношение *ла м ъ* - *ла м е н ъ*, причем ударение производного *ла м е н и н ѝ* доказывает, что и имя существительное характеризовалось в прошлом акутовой интонацией корня, т.е. было представлено как *lāmъ*, *lāmenъ*.

Во-вторых, общее значение "пустота", которая образовалась в результате разлома каменной или деревянной субстанции, и теперь наполняется чем-то.

Продленная ступень чередования у слова чухского рода данного типа склонения в древнеславянском языке сомнительна: такое удлинение было свойственно (да и то лишь отчасти) лишь для имен женского рода *-а-основ². С другой стороны, любопытно соотношение *ла м ъ* - *ла м е н ъ*, четко коррелирующее обычным для древнейшей лексики парам типа *ра м о* - *ра м е н ъ*, и *л ъ* - *И л м е н ъ* и др. при словообразовательных связях слов на *-en и *-й-основ³. Наличие акутовой интонации корня приводит к реконструкции исходного корня в виде *āl-ш или *āl, что подтверждается, в частности, и родственными словами типа *βl*, *olū* "пиво", *ol - всякий хмельной напиток, но скорее всего - это бродящие дрожжи, "меди сычье", что связано и с такими славянскими словами, как *о л ѣ к*, др.-рус. *о л ѣ к ъ* "верхняя часть пчелиной борти, где начинаются соты" (Фасмер III, 134). Связь с этим корнем древнего *ла м ъ* кажется вероятной, она удостоверяется словообразовательными, акцентологическими и семантическими отношениями между *о л*, *о л ѣ к ъ*, *ла м ъ*, *ла м е н ъ* и другими, относящимися сюда словами.

Вернемся к примерам из Успенского сборника. В обоих случаях речь идет о меде, о чем-то, что служит средством для сохранения покойного от "сырада тѣлесе". В первом примере говорится о том, что остатки меда из приготовленного

---

2 Mathiasen T. Studien zum slavischen und indoeuropäischen Langvokalismus. Oslo, 1974.

3 Откупщиков И.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с.252 и след.

гроба выбрасываются, а в ламъ вкладывается тело. В таком случае ламъ можно понимать как консервирующее вещество, созданное в результате подготовительных операций при захоронении. Сам ламъ в этом случае напоминает собор олѣкъ в его исходном, практическом, хозяйственном значении.

Во втором примере ламъ как гроб вообще сомнителен, поскольку здесь уже употреблено столь же старое слово хипище; следовательно, речь идет о том, чтобы покрытый во гробе встал и пошел, из лама вийдя. Одновременно указано и на противопоставление тела и души усопшего, соответственно — смрада и лама; ламъ соотносится с благой душой, а не со смрадным телом.

Нам мало известно искусство древнего бальзамирования, но одно старое слово, связанное с ним, сохранилось, и это слово — ламъ. Если лаиъ — имя *-й-основ соотносится с ламень, это слово обозначало предмет, тогда как ламень — *Nomen agentis*⁴, семантически связанное с тем же предметным значением. Частичное совпадение по смыслу содействовало совпадению обеих лексем, однако утрата слова могла быть связана и с исчезновением реалии.

---

4 Vondrak W. Vergleichende Slavische Grammatik. Göttingen, 1906, Bd 1, S.490.

С.В.Зорина
Уральский университет

К этимологии слова ханнга

Существительное ханнга довольно употребительно в устной речи как городского, так и сельского населения, однако в словарях упоминается крайне редко. Словари современного русского языка данное слово не отражают. Первая фиксация его относится, скорее всего, к середине XIX в. — в "Опите областного великорусского словаря" встречаем: ханнга 1. "попрошайка"; 2. "человек низкого происхождения"; 3. "ходуи, лакей" — Влг. Тамб. Тул. Калуж. Симб; ханнхничать "неприлично поступать" Симб. (Опит, 245). А также: хананнга, хандрнга "любя-